

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	Взгляд из вечности. Ад
Смерть и немного любви	Жизнь после Жизни.
Черный список	Том 1, Том 2
Посмертный образ	Личные мотивы.
За все надо платить	Том 1, Том 2
Чужая маска	Смерть как искусство. Маски
Не мешайте палачу	Смерть как искусство.
Стилист	Правосудие
Иллюзия греха	Бой тигров в долине.
Светлый лик смерти	Том 1, Том 2
Имя потерпевшего никто	<i>Оборванные нити.</i>
Мужские игры	<i>Том 1, Том 2, Том 3</i>
Я умер вчера	Последний рассвет
Реквием	Ангелы на льду не выживают
Призрак музыки	Казнь без злого умысла
Седьмая жертва	Обратная сила. 1842–1919
Когда боги смеются	Обратная сила. 1965–1982
Незапертая дверь	Обратная сила. 1983–1997
Закон трех отрицаний	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Соавторы	Горький квест.
Воюющие псы одиночества	Том 1, Том 2, Том 3
Тот, кто знает. Опасные вопросы	Другая правда. Том 1, Том 2
Тот, кто знает. Перекресток	Безупречная репутация.
Фантом памяти	Том 1, Том 2
Каждый за себя	Отдаленные последствия
Замена объекта	Том 1, Том 2
Пружина для мышеловки	Тьма после рассвета
	Дебютная постановка.
	Том 1, Том 2

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Оборванные Нити

Том 3

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке
И. Хивренко

Маринина, Александра.
М26 Оборванные нити. Том 3 / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-04-225504-5

Судмедэксперт Сергей Саблин — человек кристально честный, бескомпромиссный, но при этом слишком прямолинейный — многим кажется грубым, с тяжелым характером. Да что там многим — всем, включая родную мать и любимую женщину. Но для врача Саблина истина — главное, на сделки с совестью он не идет, чем бы его ни приманивали и чем бы ни грозили люди, заинтересованные в тех или иных выводах вскрытия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-225504-5

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА 3

И снова наступила середина декабря. Как-то незаметно миновал год в новой должности. Саблин по-прежнему вскрывал трупы и дежурил в составе следственно-оперативной группы, работа Бюро более или менее наладилась, и вполне можно было подумать о дне рождения. Правда, на этот раз дата не круглая, но зато и нервовотрепки меньше, чем в прошлом году.

День рождения пришелся на середину недели, и Сергей, чтобы сохранить к вечеру хотя бы немного сил и бодрости, взял себе только одно вскрытие — несложное и не требующее много времени: пожилой человек умер дома, все диагнозы известны, все сведения от лечащих врачей получены. С утра секционную занимали врачи, вскрывающие четыре трупа, доставленные с места автокатастрофы, а исследование трупа пожилого мужчины предполагалось провести после этого.

Всю первую половину рабочего дня Саблин занимался обычной текучкой, радуясь, что хотя бы сегодня не возникает никаких неожиданных проблем. Наконец, ему сообщили, что секционная освободилась и можно готовить труп для вскрытия. Сергей попросил Светлану сделать ему чай с сухими.

— Сергей Михайлович, — сказала она, ставя перед начальником чашку и блюдо с пятью сушками, — там вас мужчина спрашивает, в регистратуре.

— Кто? — недовольно спросил он: Сергей не любил, когда его отвлекали пустыми разговорами даже перед несложными вскрытиями. — Кто-то из родственников? Или милицкий?

— Да ну, милицких я всех в лицо знаю. — Светлана, похоже, даже обиделась. — Такой забавненький. Но на родственника не похож, больно морда сияет. Так что, пригласить? У него пакет в руках нарядный. Наверное, с днем рождения вас поздравить хочет.

— Ладно, — кивнул Саблин, — если забавненький, то приведи, пусть настроение поднимет.

Через несколько минут Светлана снова открыла дверь и пропустила в кабинет начальника Бюро мужчину лет тридцати пяти—тридцати семи, как на глазок определил Сергей. Мужчина был невысок, крепок, одет в черную кожу с массой заклепок и прочих металлических прибабасов. На ногах — сапоги-«казаки» с острыми носами. Типичный байкерский прикид.

— С днем рождения, Сергей Михайлович! — громко заявил посетитель. — Примите от нас всех и от меня лично, не побрезгуйте!

Он водрузил на стол перед Саблиным яркий пакет, содержимое которого весьма недвусмысленно звякнуло. Сергей понял, что это кто-то из тех мотоциклистов, с которыми его свел случай два месяца назад.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Как там дела у ваших товарищей? Поправились?

— Порядок, Сергей Михайлович! Алекс хромает пока, но бодр и весел.

— А второй? Кажется, Макс? С разрывом селезенки. Как он?

Байкер хмыкнул.

— Да тоже вроде ничего. Сергей Михайлович, вы что, не узнаете меня? Это же я, Макс. Максим.

Саблин всмотрелся повнимательнее: действительно, тот самый. Стрижку изменил, что ли?

— Я вас не узнал сразу, — извинился он. — Вы какой-то другой стали.

— Ну да, — весело согласился байкер Макс. — Я волосы покрасил. Это называется «грязный блондин». Потому и не узнали, наверное. Вот пришел «спасибо» вам сказать. Здорово вы тогда помогли. Мне в больнице сказали, что если бы вы не сделали то, что сделали, мне бы кранты пришли. Я вообще-то давно узнал, как вас найти, но раньше не приходил, хотел в день рождения поздравить.

— А как вы про день рождения-то узнали? — удивился Сергей. — Кто вам сказал?

Макс неопределенно пожал плечами:

— Всегда нужно уметь собрать важную информацию о тех, кто тебе интересен. Разве не так?

И внимательно посмотрел на Сергея. «Ну-ну, давай-давай, строй из себя значительную личность», — язвительно подумал Саблин. Важную информацию он умеет собирать! Ишь ты, какой! Да еще о тех, кто ему интересен.

— Стало быть, я вам интересен? — холодно спросил он. — Весьма польщен столь высокой оценкой моей скромной персоны. Благодарю за внимание и за подарок. У вас все?

Байкер в изумлении уставился на него.

— Сергей Михайлович, вы что, обиделись на меня? Ну так я и знал! Вечно я что-нибудь ляпну неподходящее, а люди обижаются. Ну простите засранца, а? У меня язык — как помело, честное слово, несущее невесту что, потом сам раскаиваюсь.

Сергей неожиданно расхохотался — до того расстроенный и виноватый вид был у байкера. Макс начинал ему нравиться.

Саблин заглянул в стоящий на столе пакет. Так и есть, три бутылки, все разные, но по виду не дешевые.

— Это виски, — пояснил Максим. — Самый лучший, какой в городе есть.

— Любите виски? — рассеянно спросил Сергей, прикидывая, как лучше поступить с неожиданным подарком: отнести домой и при случае выпивать по рюмочке под настроение; выставить сегодня на стол, когда придут немногочисленные гости, или передарить кому-нибудь, например той же Светлане, пусть у нее к новогоднему столу будет хорошее спиртное, сама она такого небось не купит. Или раздать по бутылке Светлане, Изабелле Савельевне и Таскону, дескать, на рабочем месте пьянствовать я запрещаю, а дома выпейте за мое здоровье, считайте, что я «проставился».

— Нет, — Максим обезоруживающе улыбнулся, — байкеры виски не особо потребляют, мы же все-таки за рулем.

— Да? А что пьют байкеры? — осведомился Сергей.

— Ну, пиво, конечно, но чаще ББЧ.

— Что-что?

— Большой байкерский чай — в пивную кружку кипятка, не меньше двух пакетиков чая, лучше три, и сахар.

«Кстати, — подумал Сергей, — почему бы не предложить ему чаю? А то как-то негостеприимно получается, человек пришел с днем рождения поздравить, а я...»

— Вы, наверное, раньше хорошим врачом были? — простодушно спросил байкер, отпивая осто-

рожно принесенный Светланой горячий чай из чашки в мелкий голубой цветочек.

— Почему — был? — насмешливо спросил Саблин.

— Ну, до того, как вас в трупорезы поперли. Накосячили где-то, да? Или за пьянку выгнали?

Господи, сколько раз Сергею приходилось объяснять несведущим людям суть своей профессии! Надоело. Хотя парень вроде симпатичный, не надо бы на нем срываться и грубить, пусть и очень хочется.

— В медицине «косячить» нельзя вообще, — спокойно заметил он. — Ни в какой ее области. И не надо думать, что есть отрасли медицины, в которых пьянствовать нельзя, а есть такие, в которых можно. Это крайне опасное заблуждение.

— У вас тут морг, — со святой убежденностью произнес Макс. — Тут одни покойники, какая ж тут медицина? Медицина — это когда живых людей лечат, а тут уже мертвые.

— Ну и какая разница?

— Ну как... Чтобы живых лечить, надо много знать всякого, уметь и все такое, а с покойниками — то какая наука? Чего там особенного уметь надо? Разрезал да посмотрел, и всего делов. Любой сможет. Даже меня можно наблатыкать за пару недель.

— Да? Хорошо, пошли со мной, — решительно произнес Сергей. — Посмотришь. А заодно и я посмотрю.

Он легко и незаметно перешел на «ты», и почему-то впервые в жизни ему это не показалось неуместным.

— На что? — Макс недоверчиво прищурился.

— На покойника. То есть на труп. Трупов не боишься?

— Да нет вроде...

— А смерти? Имей в виду: когда идет вскрытие, смерть всегда стоит рядом, за плечом у эксперта. Стоит, дышит ему в затылок и следит за каждым его движением.

— Зачем? — вытаращил глаза Максим.

— А ей интересно, сможет ли человек, обыкновенный смертный, пусть и очень квалифицированный и знающий, разгадать ее тайну. Она загадку загадывает и смотрит, разгадает ее эксперт или нет. Стоит и усмехается, еще и в ухо гадости всякие нашептывает. Не боишься?

— Да нет вроде... — повторил байкер, но на этот раз как-то не очень уверенно.

— Вот и славно. Пойдем. Я его вскрыю, а ты посмотришь и скажешь, как там и чего.

— Да легко! — с воодушевлением откликнулся Максим.

Приготовленный для вскрытия труп был не криминальным, поэтому Сергей вполне мог допустить присутствие в секционной посторонних. Он попросил Макса подождать в приемной, переоделся и повел байкера на первый этаж в помещение морга. Макс шел спокойно, с любопытством оглядывался по сторонам и даже пытался сунуть нос в каждую приоткрытую дверь. Никакого напряжения или испуга Саблин в нем не замечал. Это было странно. Обычно сохранение такого спокойствия лучше удается женщинам, они почему-то меньше боятся смерти и покойников, ведь традиционно даже обмывание и одевание умерших поручалось именно представительницам слабого пола, в то время как сильный пол испытывал перед трупами и вообще всем, что связано с кончиной человека, просто-таки панический ужас, смешанный с отвращением.

В секционной Макс тоже держался ровно, не бледнел, не отворачивался, напротив, следил за

манипуляциями Саблина с нескрываемым интересом и то и дело задавал вопросы:

— А это что? Ну надо же, а я думал, это ниже находится... А вот это что такое? А почему оно такое темное? А это разве такое маленькое? Я думал, оно больше. Ни фиги себе! — воскликнул он, когда дело дошло до сердечной мышцы. — А почему посередине? Оно же слева!

Сергей только покачал головой, не прекращая диктовать медрегистратору. «Ну почему, — уже в который раз подумал он, — почему люди так мало интересуются собственным телом? Почему они ничего о нем не знают и знать не хотят?»

Перед выделением органокомплекса он сделал перерыв на пять минут и посмотрел на Макса, который к этому времени страшно расчихался и без конца утирал льющиеся из глаз слезы.

— Ну? И что ты видишь? Вот я тебе задачу облегчил, все, что сам увидел, вслух проговорил, ты слышал. Так что с человеком случилось? От чего он умер?

Макс пристально рассматривал разрезанное и раскрытое тело. Прошла минута, другая, третья...

— Ни хрена не понять, — удрученно констатировал байкер и снова чихнул. — А вы-то как тут разбираетесь? Это ж башку сломать можно, весь мозг набок съедет. Теперь понятно.

— Что тебе понятно?

— Что про трупорезов фигню всякую несут. Это ж до фигища всего знать надо, чтобы вот так работать.

Он полез в карман и достал огромный не очень свежего вида носовой платок, которым принялся утирать глаза и нос.

— Простыл, что ли, — пробормотал он.

— Да не простыл ты, — усмехнулся Саблин. — Это у тебя аллергия.

— Аллергия? На что? Сейчас декабрь, ничего не цветет, пыльцы нет никакой. Да я и не ел сегодня ничего такого, все как обычно.

— А у нас, Максим, в морге вечная весна, — мрачно пошутил Саблин. — Вечное, так сказать, цветение. У нас тут такие аллергены повсюду используются, что мама не горюй.

— Как же вы тут работаете? — удивился Макс.

— Вот так и работаем, — пожал плечами Саблин. — Все болеем поголовно, кто чем. А нам за это — сокращенный рабочий день и пол-литра молока. Только кого эти пол-литра спасут, когда здоровье окончательно угробишь... Ладно, продолжим. Если тебе надоело или плохо себя чувствуешь — иди, ты уже и так все увидел.

— Нет, — упрямо покачал головой байкер, — я останусь, если можно. Я еще не все понял.

Саблин посмотрел на него недоумевающе.

— И чего же ты не понял, друг Максим?

— Вы про смерть говорили... Про то, что она за спиной стоит... Я не почувствовал. А мне интересно. Можно я подожду? А вдруг почувствую.

— Ну, стой, — усмехнулся Сергей.

— А вы сами почувствовали? Была она здесь сегодня?

— Она и сейчас здесь, пока никуда не ушла.

— Сергей Михайлович, а как это... — байкер замялся. — Как вы ее чувствуете? Холод, что ли? Или воздух колеблется? Или звуки какие-то? Как? Мне на что внимание обратить?

Медрегистратор смотрела на него со странным выражением не то сочувствия к его простодушию, не то неодобрения, которое вызывали в ней разговоры о смерти. Была она женщиной немолодой, много повидавшей и проведеншей в секционной сотни и тысячи часов за долгие годы работы в морге, и про смерть знала побольше иных врачей.

— Ты, сынок, не жди, не присматривайся, — негромко сказала она, — смерть, если захочет, — сама тебе знак даст, тогда и почувствуешь, и даже сомневаться не будешь, сразу точно поймешь: вот она. Стоит рядом. А если специально ждать, то она не покажется. Она тоже прятаться умеет.

— Угу, — подтвердил Саблин, занимаясь органокомплексом, — слушай, что знающий человек говорит. Когда выйдем отсюда — напомним, я тебе таблетку дам от аллергии, а то ты весь на слезы и сопли изойдешь.

Исследование трупа, как и ожидал Сергей, оказалось несложным и недолгим. Нарезав кусочки для гистологии, он разрешил санитару зашивать тело и со словами: «Всем спасибо, все свободны!» — покинул секционную. Максим шел следом, не переставая оглядываться по сторонам.

— А хотите, я вам в морге стены распишу? И совсем бесплатно — только краски ваши? А то что у вас тут — мрачность какая-то, серость, обыденность. Я бы вам такие стены сделал! И цвет можно подобрать для настроения, и рисунок сделать, хоть пейзаж, хоть абстрактный, какой хотите. Здесь же не одни только покойники, здесь ведь и люди работают, о них тоже надо заботиться, чтобы у них на душе было радостно. Человек должен видеть красоту, а не эти вот ваши монохромные стены мертвенного цвета. Как в морге, ей-богу.

Сказал — и тут же рассмеялся.

Сергей усмехнулся — Северогорский морг в стиле HEAVY METAL. Мечта любого гота! Да они сюда толпами повалят, вместе с доморощенными сатанистами и прочими неформалами.

— Нет, спасибо. У нас медицинское учреждение. С одной стороны, есть этические нормы, общепринятые устоявшиеся взгляды обычных

людей на то, как должно выглядеть медицинское учреждение. А с другой стороны, есть требования СанПина, в которых указано, какого цвета должны быть потолки и стены, чем покрашены и так далее. Рисунков СанПином не предусмотрено. Но я могу тебя свести с директором похоронной службы, он как раз ремонтирует и оформляет по-новому Зал прощаний. Покажешь ему эскизы — может быть, и сговоритесь...

— А СанПин — это что за хрень? Начальник краевой, что ли?

— Это санитарные правила и нормы, утвержденные Минздравом и обязательные для всех медицинских учреждений.

— Так это для медицинских же! А у вас тут... Ой, простите, Сергей Михайлович, опять я пургу какую-то гоню, — смутился Максим. — Никак не перестрою мозги в том направлении, что ваши трупы это тоже медицина, да еще, пожалуй, и покрупче, чем бабкам давление мерить или прыщи лечить.

Сергей стал подниматься на второй этаж, Максим следовал за ним как привязанный.

— Ты художник, что ли? — спросил Саблин.

— Ну... как сказать... — Байкер рассмеялся. — Вообще-то да, художник. Но работаю в школе, преподаю рисование и черчение, кружок веду по истории живописи, студию тоже веду, учу детишек рисовать. Ну и всякие там праздники оформляю, наглядную агитацию.

— Художник? — фыркнул Сергей. — Какой же ты художник, если строение человеческого тела не представляешь? Вас ведь должны специально учить, разве нет?

— Так скелет же только и мускулатура, то есть то, что проявляется во внешней форме. А внутренности всякие мы не изучали.

— А ничего, что ты байкер? Это твоей репутации учителя не вредит? — осведомился Сергей. — И облик у тебя несколько, сам понимаешь...

Он сделал неопределенный замысловатый жест рукой.

— Так облик-то только для байка, — пояснил Максим. — Я же в школу в «косухе» не хожу. Для работы у меня джинсы и свитер, как у всех.

— А прическа? — поддел его Саблин. — Ничего, что мужчина-учитель красит волосы? По-моему, это противоречит дресс-коду школьного педагога.

— А! — Максим беззаботно улыбнулся. — Это сейчас я еще приличный, все-таки возраст, сами понимаете, а раньше я вообще с такой головой в школу ходил! Меня завуч воспитывать замучилась. Потом отстали, когда поняли, что детям нравится: я человек творческий и их к творчеству приобщаю, а творчество — оно ведь рамок и канонов не признает, оно должно быть свободным и ничем не ограниченным.

За разговором они дошли до приемной, в которой Максим оставил огромного размера теплую длинную куртку. Саблин был уверен, что сейчас байкер оденется и уйдет, но тот не спешил прощаться.

— Вы мне еще таблетку обещали, — напомнил он, в очередной раз чихнув и шмыгнув изрядно покрасневшим носом.

Сергей завел его к себе в кабинет и стал рыться в ящике стола в поисках лекарства, которое всегда держал на рабочем месте.

— Держи, — он протянул Максу продолговатую голубую таблетку, — выпей прямо сейчас, минут через двадцать все должно пройти. Иди-иди, — улыбнулся он, глядя на байкера, который мялся возле двери, — тебе Света водички нальет, запьешь

лекарство. А мне переодеться нужно. И вообще, у меня рабочий день заканчивается.

— Сергей Михайлович, вы торопитесь? — с какой-то неожиданной робостью спросил Макс. — Я еще узнать хотел...

Вообще-то никуда Саблин особо не торопился. День будний, праздновать день рождения решили в субботу, а сегодня они с Ольгой просто посидят вдвоем, а может, и втроем, если Петя Чумичев не изменит своим привычкам. Сергей по дороге домой купит торт — он с детства любит сладкое, а Оля собиралась приготовить его любимый салат и нажарить свиных отбивных с толстым жирным краешком. Сама она считала такую еду крайне вредной для здоровья и допускала ее только по особым случаям. Но это все будет не раньше семи-восьми вечера, а сейчас только три... И в самом деле, спешить некуда.

Решение пришло неожиданно и в первый момент показалось Саблину даже каким-то странным.

— Макс, а давай ты будешь называть меня на «ты», — предложил он. — Тебе сколько лет?

— Тридцать четыре.

— А мне сорок один сегодня исполнилось, разница невелика. Значит, так: ты сейчас выходишь, я переодеваюсь, потом Света сделает нам чайку, раздобудет какой-нибудь еды, мы с тобой посидим, пообедаем, и ты спросишь у меня все, что хотел. Годится?

— Класс! — искренне обрадовался Максим. — Спасибо.

Светлана задачу поняла быстро, сбегала сперва к биологам, потом к гистологам, затем к Изабелле Савельевне и с миру по нитке собрала вполне достойный двух зрелых мужчин обед, состоявший,

правда, в основном из принесенной накануне продукции Лялочки Таскон. Однако среди пакетов и пакетиков обнаружили и печенье, и конфеты, и даже одно яблоко и три мандарина. Ловкая Света изобразила из этого богатства весьма привлекательный натюрморт, который и внесла на подносе в кабинет начальника.

— Света, меня ни для кого нет, — сказал Сергей. — Я ушел. У меня день рождения. Вы тоже можете идти. И приемную закройте. У меня ключи есть.

— Я посижу, Сергей Михайлович, — ответила секретарь, — телефон ведь звонить будет не переставая, вам никакого покоя не дадут. А так я хоть отведу, что вас нет, так они звонить перестанут.

Он почувствовал, что страшно проголодался, и набросился на еду, прихлебывая горячий сладкий чай с лимоном. Максим тоже ел с удовольствием. Оба молчали. Теперь уже Сергей недоумевал: зачем? Для чего он это затеял? Пригласил совершенно постороннего и абсолютно не нужного ему мужика вместе пообедать, да не в кафе или в ресторане, а в собственном служебном кабинете! Он что, с ума сошел? Ему заняться больше нечем? Он вчера еще наметил посмотреть в гистологии «стекла» по одному интересному случаю, вскрытие по которому проводил две недели назад Филимонов: выставленный им диагноз несколько удивил Сергея, и он решил сам проверить и убедиться в том, что эксперт-танатолог не ошибся. Вот и занялся бы. И литературу по специальности, совсем свежую, из Москвы прислали, тоже надо выкроить время, чтобы хотя бы пролистать.

Он в юности был душой компании, весельчаком и остроловом, великолепным рассказчиком, к которому всегда было приковано внимание окру-

жающих, но с годами Сергей Саблин стал нелюдимым, желчным и злым, сторонился новых знакомых и не был особо общительным. Ему достаточно Ольги для того, чтобы дружить, и Петьки Чумичева, чтобы выпить в сугубо мужской компании. А этот Максим... Зачем, ну зачем он предложил ему остаться?! Да еще позволил перейти на «ты», тем самым резко сократив дистанцию между ними, ту самую дистанцию, которую он в последнее время, с тех пор как стал начальником Бюро, строго соблюдал и настороженно следил за тем, чтобы ее никто не уменьшил. Справедливости ради надо сказать, что он первым начал называть байкера на «ты». Сергей это отлично помнил и потому злился на себя еще больше.

От недавнего хорошего и легкого настроения не осталось и следа. Надо поскорее закончить эти никому не нужные посиделки и уходить.

— Так что ты хотел спросить?

Максим торопливо дожевал пирожок с вареньем.

— Я хотел узнать: ничего, что я теперь совсем без селезенки?

— Выживешь, — коротко ответил Саблин, усмехнувшись.

— А для чего тогда она нужна, если без нее можно жить?

— Ты что, хочешь медицинский ликбез прослушать? Так на это у меня времени нет. Медицина не такая простая наука, чтобы ею можно было за пять минут овладеть.

Максим смутился.

— Да нет, мне просто интересно, на что способен человеческий организм. Вот без селезенки он обходиться может, это я понял, а как с другими органами?

И снова Сергей с удивлением почувствовал, что злость уходит, уступая место расслабленности и благодушию. Этот байкер Макс волшебник, что ли? Почему он так удивительно действует на Саблина? Не успев дать себе ответ на вопрос, Сергей пустился в неторопливые пространные рассказы о разных экспертных случаях, демонстрирующих невероятные способности человеческого организма.

Когда он был на сертификационном цикле в областном центре, коллега из Новосибирска поведал ему о вызове милиции и «Скорой помощи» к мужчине, которого ударили табуреткой по голове. Когда врачи прибыли на место, пострадавший лежал на полу лицом вниз, а из затылочной части головы торчала табуретка, ножка которой вошла в вещество головного мозга на целых восемь сантиметров. Так он мало того что выжил, он еще и на вопросы прибывших работников милиции отвечал!

— Вот как бывает, — говорил Сергей. — Баба пришла в сельскую амбулаторию, голова у нее побаливает. Ей лекарство выписали, она пришла домой и стала его пить. А через какое-то время померла. И что оказалось? У нее в черепе гвоздь! Она его сама себе вколотила и ходила с ним, жизни радовалась, а потом вот головка что-то болеть начала. Неделью с гвоздем ходила.

— А зачем гвоздь-то? — спросил Макс.

— Да кто ж ее знает, захотелось, наверное, вот и вколотила. Сенильная деменция, по всей вероятности. Проще говоря — старческий маразм. Старая-то она старая, а вот хватило же здоровья на неделю с такой травмой.

Байкер слушал очень внимательно, не сводя глаз с Сергея и даже прищурившись слегка от напряжения.

— Это много — неделя? — уточнил он.

— Для такой травмы — да. Но неделя — это что! Один мужик вообще тридцать один год с обломком клинка перочинного ножа ходил и в ус не дул. Ему в восемнадцать лет в драке ножом в голову захали. Где-то после сорока лет стали головные боли мучить, его и лечили от гипертонической болезни, атеросклероза сосудов головного мозга и динамического нарушения мозгового кровообращения. У него еще и лишний вес был, ожирение, так что в диагнозе никто и не усомнился. Лечили-лечили, пока он не умер в сорок девять лет. И только на вскрытии нашли в черепе отломок клинка длиной шесть с половиной сантиметров. Жена и рассказала, что в восемнадцать лет его во время драки ударили. Кровотечение из раны быстро прекратилось, и потом обследование полости черепа никогда не проводилось. Самое смешное, что на наружной поверхности височной кости и кожи заушной области очевидных следов травмы не обнаружено. Никому поэтому и в голову не приходило, что у него в башке инородное тело сидит. Или другой пример тебе приведу: парню выстрелили в лицо из газового пистолета, так он целых три дня с пулей в голове ходил, кололся, чтобы головную боль снять, с медсестрами заигрывал в стационаре. И ничего, кроме головной боли, не чувствовал. Ну, шатало чуть-чуть. И только на четвертый день почувствовал себя плохо, а через несколько часов умер.

— Слушай, — задумчиво проговорил Макс, — а сколько крови должно из человека вытечь, чтобы он умер?

— А это тоже как повезет, — развел руками Саблин. — По общему правилу — если человек теряет больше двух литров крови, то наступает так называемое жизнеугрожающее состояние. Но вот